

ФИГУРА МОРАЛИСТА В АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII В.

В статье прослеживаются новые характеристики, определяющие фигуру моралиста и статус этического высказывания в английской культуре XVII в. Отталкиваясь от традиционных рассуждений о формировании новой концепции морали, связанной с разрушением абсолютного авторитета в вопросах этики в культуре раннего Нового времени, автор обращает внимание на новые принципы взаимодействия моралиста с читателем, а также новые возможности, которые предоставляет публичное высказывание на тему морали в Англии второй половины XVII в.

Ключевые слова: моралист, моральный авторитет, этическое высказывание, политика, убедительность.

В европейской культуре раннего Нового времени публичное высказывание на тему морали становится все более светским, это связано с изменением аудитории, к которой обращаются авторы, собственно морали и логики обоснования тех или иных этических норм, и с тем, что такие наставления все чаще даются не от лица церкви, а частными, зачастую светскими, лицами. В Англии второй половины XVII в. число связанных с вопросами морали текстов, которые были написаны людьми, не имеющими сана, или шли вразрез с существующей традицией и соответственно не опирались на авторитет англиканской, католической или любой другой церкви, резко возрастает.

Английским моралистам посвящено довольно много исследований, которые, однако же, ведутся, как правило, в русле собственно истории этических учений [см., например, из последних работ: Caldwell; Darwall; Gill; Heydt; Stuart-Buttle]. В силу этого существует довольно жесткое определение того, кто такие английские моралисты и кого можно причислить к этому кругу. Оно тесно связано с вопросом о светской и религиозной культуре, в первую очередь с развитием светской философии и науки и формированием новой концепции морали в рамках того, что принято называть этической философией, не опирающейся на религиоз-

ные догмы, а ищущей иные основания морального закона и поведения. Моралистами в английской традиции принято называть тех философов, которые пытались сформулировать эти новые объяснения феномена морали – это Джон Локк, Ричард Камберленд, Фрэнсис Хатчисон, Энтони Эшли Купер граф Шефтсбери и др. Однако такое ограничение не позволяет оценить то новое, что касается статуса этического высказывания как такового. Для того чтобы рассуждать об этом, требуется принимать во внимание любые высказывания на тему этики и морали вне зависимости от их содержания и авторства, а потому в данной работе будет использовано более привычное для нас определение моралиста как автора нравоучительных текстов и исследований о природе морали.

Высказывания на тему морали всегда имели политический вес, нормируя, объясняя и стимулируя те или иные модели поведения. Однако Реформация, а затем революция придали им в Англии особое значение. И дело здесь не только в том, что мораль была частью религиозной полемики между католиками и протестантами или между пуританами и более умеренными протестантами, которая имела колоссальное политическое значение как в Англии, так и по всей Европе, тем более, что авторитет католической церкви, в том числе и моральный, был поколеблен как никогда. Не менее важным и интересным представляется влияние, которое оказала сама протестантская доктрина. Возможность и необходимость самостоятельно толковать Евангелие и оценивать собственную жизнь и перспективы спасения переопределили ценность частной позиции в отношении требований морали и, в конечном счете, этики как таковой. Как отмечала Мелисса Колдуэлл, Реформация «дала старт новой этической позиции, основанной на свободе совести индивида и постоянном наблюдении со стороны как религиозных институций, так и граждан» [Caldwell, p. 9].

Оба эти фактора способствовали тому, что вопросы морали больше не жидились на абсолютном авторитете, на чем основывалась предшествующая традиция религиозной этики, и высказывание на тему этических норм и принципов стало все больше восприниматься как мнение, как одна из возможных позиций, а не божественная заповедь. Это имело массу различных следствий и, безусловно, повлияло на развитие светской этики. Предполагавшаяся, хотя, конечно, крайне редко эксплицитно высказавшаяся протестантскими учениями возможность различных интерпретаций морального поведения оказалась одной из самых сложных и болезненных проблем. Она, с одной стороны, дала толчок развитию скептицизма, с другой – формированию идеи толерантности, которая имела равное отношение к политике, ре-

лигии и морали. Можно вспомнить, например, о религиозной партии латитудинариев, которые, с одной стороны, призывали к терпимости и сотрудничеству англиканской церкви с диссентерами, а с другой – к отказу от некоторых строгих норм морали и других аспектов религиозной доктрины. В этом отношении исследователи единодушно расценивают Акт о веротерпимости 1688 г., который признавал даже диссентеров – протестантских неконформистов, при условии их лояльности английским монархам, как один из ключевых этапов в становлении новой концепции морали, в которой моралист – это человек, высказывающий собственную позицию, а моральные обязательства понимаются как то, что должно действовать в отношении всех людей, вне зависимости от их веры. По мнению Стивена Дэрзуэлла, это способствовало формированию представлений об автономности морального субъекта и интерналистской концепции морали [Darwall, p. 8].

Несмотря на постоянное стремление утвердить некоторую позицию в качестве авторитетной, в англиканской традиции всегда оставалась незабываемой сама возможность существования и альтернативной позиции, поскольку это логически вытекало из новой концепции религиозности. Соответственно возникало значимое, хотя, конечно же, не абсолютное различие между человеком, высказывавшимся на тему морали, за которым стоит церковный или шире – религиозный авторитет, даже если речь идет не об англиканской церкви, и тем, кто озвучивал сугубо частную позицию. Сама возможность провести такого рода различие и использовать его как исследовательский инструмент, позволяет уловить те новшества, которые имели отношение к статусу этического высказывания и которые, безусловно, в какой-то мере сказывались и на том, как воспринимались проповеди и этические трактаты церковных иерархов, но были гораздо более значимыми для светских моралистов.

Тот факт, что высказывавшиеся в отношении морали взгляды воспринимались как частная позиция и, соответственно, допускалась возможность ошибочных интерпретаций, делало поле морали подобным сфере политики, где общий прогресс достигался в противоборстве и взаимовлиянии различных позиций, опять же основываясь на новых принципах толерантности. Вторая половина XVII в. стала периодом, когда в Англии формировалась система политических партий, в которой важнейшим принципом был плюрализм мнений в рамках определенных границ, отсылавших к разному опыту и желаниям, где авторитетность никакой позиции не была абсолютной, но зависела во многом от искусства убеждать. Очень похожие идеи возникали и в отношении религии. В середине столетия Джон Мильтон в своей

«Ареопагитике» – речи о свободе печати, – рассуждая о том, что книги могут быть дурными и вредными, но их убийство так же плохо, как убийство людей, говорил, что цензура – это изобретение, сделанное с единственной целью – противодействовать и мешать Реформации: «Всякого рода мнения и даже ошибки, какие только когда-либо были известны людям, будучи вычитаны из книг и сопоставлены друг с другом, служат большой подмогой для скорейшего отыскания истины. Я думаю поэтому, что если Бог предоставил человеку свободу в выборе пищи для своего тела, установив лишь правила умеренности, то Он предоставил ему и полную свободу в заботе о своей умственной пище; вследствие этого каждый взрослый человек может сам заботиться об упражнении своей главной способности» [Мильтон].

Исследователи отмечали, что Мильтон впервые так отчетливо представил Реформацию как скачкообразно разворачивавшийся сложный процесс, в котором результат достигался не только последовательными политическими действиями, но и в процессе полемики и взаимоубеждения, признавая, что война перьев была не менее важна, чем война силы [Loewenstein, p. 35]. Но Мильтон напрямую увязывал свободу печати и с развитием нравственности, поскольку полагал, что свобода подразумевает и право согрешить, в том числе публично высказать (то есть представить на обсуждение и, возможно, осуждение) любое суждение, даже откровенно безнравственное: «Если бы каждое как хорошее, так и дурное действие зрелого человека подлежало наблюдению, приказанию и побуждению, то чем была бы тогда добродетель, как не одним названием, какой ценой обладали бы тогда хорошие поступки, какой благодарности заслуживали бы рассудительность, справедливость и воздержанность?» [Мильтон].

В значительной мере борьба с диссидентами способствовала тому, что утверждение морального авторитета стало рассматриваться как бесконечный конфликт между индивидуальными авторитетами, в котором есть место недопониманиям, слабостям, противоречиям, желаниям и т. д., обсуждение и критика которых и должны способствовать постепенной выработке и формулированию верных походов. В этом смысле, даже позиция церковного иерарха несла в себе эту уязвимость и несовершенство индивидуальной, частной позиции, которые могли быть преодолены только сообща, но людей, выступавших от собственного лица, это касалось в еще большей степени. И, как свидетельствуют рассуждения Мильтона, любой текст, имеющий отношение к вопросам морали, превратился в высказывание, поступок конкретного человека, который можно оценивать, осуждать или поддерживать, и

влияние этого поступка на остальных во многом зависело от того, насколько эта полемика будет успешной.

Это новое отношение существенным образом определяет фигуру моралиста. Во-первых, моралистический текст в таких обстоятельствах превращался в заявление некоторой позиции, и это заявление, то есть не только сама позиция, но и намерение ее высказать, могли оцениваться с самых разных точек зрения, но в первую очередь – с политической. Превращаясь в поступок, в высказывание, моралистический текст переставал быть самоочевидным, и здесь становится крайне важным все то, о чем Квентин Скиннер говорил, имея в виду политическую философию: нам надо понять, почему, с какой целью и в каких условиях это высказывание было сделано, для того чтобы оценить его суть [Скиннер, с. 111].

Во-вторых, в отсутствие абсолютного авторитета в вопросах морали моралист оказывался крайне заинтересованным в любых средствах убеждения. Исследователи не раз отмечали значимость языка в текстах английских моралистов, начиная с Томаса Гоббса [Kroll, p. 16]. Ярким примером могут послужить работы Шефтсбери, известного не только своей иронией, но и другими литературными приемами, используемыми в этических наставлениях. В своей философской рапсодии «Моралисты» он откровенным образом соблазняет читателя к чтению философии и нравственному образу жизни, прибегая к галантной, даже эротизированной модели общения между персонажами. Поскольку все они были мужчины, то такая манера повествования оказывалась довольно провокационной [см. об этом: Cowan, p. 111–138]. В русском переводе, изданном в 1975 г., значительная часть этой провокации исчезла, однако некоторое почти чувственное искушение читателя, которого не ожидаешь встретить в эссе о морали, осталось: «Скажите же, разве вам когда-нибудь доставляло удовольствие оказать услугу своему другу? А когда вы в первый раз испытали это благородное удовольствие, не чувствовали ли вы его более слабо, чем теперь, когда вы испытываете его с давних пор? Поверьте, Филокл, это удовольствие скорее приводит к излишествам, чем все прочие. Ни одна живая душа не совершала добрых дел – так, чтобы с еще большей готовностью не совершать их – и с еще большим наслаждением» [Шефтсбери, с. 113]. Эта потребность не диктовать, а искушать читателя свидетельствует о том, что рассуждение о морали в отсутствие абсолютного морального авторитета не только требовало привлекать внимание читателя всеми доступными способами для того, чтобы быть услышанным, но и само по себе могло становиться

средством убеждения, поскольку было тесно связано с религиозной, политической, гражданской и иной позицией. Не случайно моральная философия Шефтсбери неразрывно связывается исследователями с идеологией вигизма [Klein, p. 121–216].

Более того, само публичное высказывание на тему морали в этих условиях легко могло превратиться в инструмент, используемый с сугубо политическими целями. В некоторых случаях это оказывается совершенно очевидным, стоит лишь посмотреть, когда и с какими целями автор прибегает к публикации подобных текстов. К примеру, шотландский адвокат и политик Джордж Маккензи, закончивший университет в 1659 г., незадолго до Реставрации, желая как можно успешнее выстроить карьеру при новой власти, по традиции того времени использовал для этих целей печатный текст. Однако он не ограничивается обычными посвящениями влиятельным лицам. В 1660 г. Маккензи опубликовал произведение под названием «Аретина, или Серьезный роман» [MacKenzie, 1660], которое сейчас известно как первый шотландский роман, посвятив его дамам английской нации. Он оказался первым, кто использовал в назидательных целях очень популярную форму высокого галантно-героического романа, в котором встроенные в повествование беседы имели не меньшее значение, нежели интрига. Он завлекает читателя и предлагает ему под маской авантюрного галантного романа откровенно назидательный разговор о морали, полагая, что моральные эссе только выиграют от такой формы подачи, одновременно удовлетворяющей любопытство и исправляющей суждения, «особенно в нынешние времена, когда людей уже настолько тошнит от рассуждений, что они не в состоянии переварить ничего, что не было бы приправлено сатирой или сдобрено красноречием» [Ibid., p. 7–8]. Канвой для событий стала только что прошедшая гражданская война, что только усилило как морализаторский, так и политический посыл. Молодой Маккензи стал известен как сторонник новой власти. В 1661 г. он получил первое крупное дело – защищать маркиза Аргайла. Впоследствии он написал несколько эссе о морали, любопытных опять же выбираемым способом взаимодействия с читателем: «Стойкая вера» [MacKenzie, 1663], «Эссе о предпочтении уединения публичной деятельности» [MacKenzie, 1665], «Нравственная галантность» [MacKenzie, 1667]. Эти шаги помогли Маккензи обрести уважение и обозначить свою политическую позицию, сформулировав этическое обоснование новой власти, основанной на толерантности и добродетелях, рисуя личное совершенствование каждого не только частным, но и публично значимым делом, которое должно «помочь

государю сделать мир (омываемый со всех сторон морями) островом, который признает его скипетр» [Ibid., p. 8]. К концу 1660-х гг. карьера Маккензи была устроена, он стал одним из активных проводников политики преследования кovenанторов в Шотландии во время правления Карла II, получил звание рыцаря, стал членом шотландского парламента. Добившись всех этих успехов, Маккензи оставляет амплуа моралиста, дав себе зарок впредь сосредоточиться на написании юридических текстов [Lang, p. 316]. Вновь в качестве моралиста Маккензи выступает лишь после того, как окончательно удаляется от дел вследствие Славной революции, публикуя в 1691 г. «Моральное эссе о бережливости» [MacKenzie, 1691], в котором предлагает читателю критику развращенного современного общества.

Очевидная политическая подоплека этических рассуждений Маккензи и даже утилитарность, с которой преподносится высказывание о морали, использование в личных целях (что до сих пор не затрагивало такого рода сочинения) свидетельствует о серьезных изменениях самого статуса этического высказывания в английской культуре XVII в. и, соответственно, фигуры моралиста. Включение в политическую логику убеждения отражает изменение как принципов, на которых базируется моральный авторитет, так и механизмов взаимодействия моралиста и читателя, способов, принципов и целей оказываемого им влияния.

Мильтон Д. О свободе печати. Речь к английскому парламенту (Ареопагитика). URL: <http://evartist.narod.ru/text2/28.htm> (дата обращения: 11.11.2019).

Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа : теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–122.

Шефтсбери Э. Э. Моралисты. Философская рапсодия // Шефтсбери Э. Э. Эстетические опыты. М., 1975. С. 77–236.

Caldwell M. Skepticism and Belief in Early Modern England : the Reformation of Moral Value. L., 2016.

Cowan B. Reasonable Ecstasies : Shaftesbury and the Languages of Libertinism // Journal of British Studies. 1998. Nr. 37. P. 111–138.

Darwall S. The British Moralists and the Internal “Ought”, 1640–1740. Cambr., 1995.

Gill M. B. The British Moralists on Human Nature and the Birth of Secular Ethics. Cambr., 2006.

Heydt C. Moral Philosophy in Eighteenth Century Britain : God, Self and the Other. Cambr., 2018.

Klein L. Shaftesbury and the Culture of Politeness : Moral Discourse and Cultural Politics in Early Eighteenth-Century England. Cambr., 1994.

Kroll R. Introduction // Philosophy, Science, and Religion in England 1640–

1700 / ed. by R. W. F. Kroll, R. Kroll, R. Ashcraft, P. Zagorin. Cambr., 1992. P. 1–28.

Lang A. Sir George MacKenzie, King's Advocate of Rosenaugh : His Life and Times 1636(?)–1691. Clark, N. J., 2005.

Loewenstein D. Milton and the Drama of History : Historical Vision, Iconoclasm, and the Literary Imagination. Cambr., 2006.

MacKenzie G. A Moral Essay, Preferring Solitude to Publick Employment, and All It's Appanages, Such as Fame, Command, Riches, Pleasures, Conversation, &c. Edinburgh, 1665.

MacKenzie G. Aretina, or the Serious Romance. Edinburgh, 1660.

MacKenzie G. Moral Gallantry. A Discourse, Wherein the Author Endeavours to Prove, That Point of Honour (Abstracting from All Other Tyes) Obliges Men to Be Vertuous. And That There Is Nothing so Mean (or Unworthy of a Gentleman) as Vice. Edinburgh, 1667.

MacKenzie G. Religio Stoici. Edinburgh, 1663.

MacKenzie G. The Moral History of Frugality with Its Opposite Vices, Covetousness, Niggardliness, Prodigality and Luxury. L., 1691.

Stuart-Buttle T. From Moral Theology to Moral Philosophy : Cicero and Visions of Humanity from Locke to Hume. Oxf., 2019.

Стогова Анна Вячеславовна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела
историко-теоретических исследований
Институт всеобщей истории РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, 32а
доцент кафедры истории и теории
культуры
Российский государственный
гуманитарный университет
125993 Москва, Миусская пл., 6
E-mail: anna100gova@yandex.ru

Anna Stogova

PhD (History),
Senior Research Fellow at the Department
of Historical Theory Studies
Institute of World History, Russian
Academy of Sciences
32a Leninsky Ave., 1197334 Moscow,
Russia
Associate Professor at the History and
Theory of Culture Department
Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russia
E-mail: anna100gova@yandex.ru

A Moralist in the 17th-century English Culture

The article traces the new characteristics that determine the figure of a moralist and the status of ethical statement in the British culture of the 17th century. On the basis of traditional reasoning about the formation of a new concept of morality associated with the subversion of absolute authority in the field of ethics in the early modern culture, the author draws attention to the new principles of interaction between a moralist and the reader, as well as new opportunities provided by the public statement on the topic of morality in England in the second half of the 17th century.

Keywords: moralist, moral authority, moral statement, politics, persuasiveness.